

Джеймс Хэдли
Чейз

УХОДЯ,
НЕ
ОГЛЯДЫВАЙСЯ

Джеймс Хедли Чейз
Уходя, не оглядывайся
Серия «Иностранная
литература. Классика детектива»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37667489

Сильнее денег: романы : Иностранка, Азбука-Аттикус; М.; 2018

ISBN 978-5-389-14971-7

Аннотация

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз.

«Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотиносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». В XX веке не осталось места неспешным старомодным историям, в которых эксцентричный сыщик расследует загадочное убийство аристократа в декорациях уютного загородного особняка; по законам нового времени детектив пускает в ход револьвер едва ли не чаще, чем дедушку.

Содержание

Глава первая	5
I	5
II	14
Глава вторая	23
I	23
II	31
Глава третья	48
I	48
II	57
Глава четвертая	65
I	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Джеймс Хэдли Чейз

Уходя, не оглядывайся

© М. Загот, перевод, 2018

© В. Антонов, перевод, 2018

© А. Горский (наследник), перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

Глава первая

I

Звонок раздался без пяти одиннадцать, как раз когда я собирался уходить. Пять минут спустя я спокойно мог бы его проигнорировать, но до официального закрытия оставалось еще пять минут, и деваться было некуда.

Ночной телефон был подключен к магнитофону, который автоматически регистрировал время поступления звонков. Это было частью системы тотальной слежки за сотрудниками. Я снял трубку.

– Корпорация «Сейфы Лоренса» – ночная служба, – сказал я.

– Говорит Генри Купер. – Это был один из тех сытых, уверенных в себе голосов, какие принадлежат обычно обладателям крупных состояний и сверхдорогих особняков. – Как быстро вы можете прислать кого-нибудь? У меня проблема с сейфом.

Плакал мой вечер с Джейни, подумал я. Это будет наша третья несостоявшаяся встреча за месяц.

– Где вы находитесь, сэр? – спросил я, стараясь придать голосу любезную интонацию. Разговор записывался на пленку, а у меня уже были неприятности за грубое обращение с

клиентами.

– «Эшли-Армз». Ваш человек нужен немедленно.

Я взглянул на часы. Без двух минут одиннадцать. Если я отвечу, что ночная служба уже закрыта, то на работе можно поставить крест. Учитывая мои затруднения с финансами, это было бы непозволительной роскошью.

– Не могли бы вы сказать, что случилось с вашим сейфом, сэр?

– Я куда-то засунул ключ. Немедленно пришлите кого-нибудь.

Он бросил трубку своего телефона, а я – своего. Я обещал Джейни, что заеду за ней в одиннадцать пятнадцать. Мы собирались сходить в танцевальный клуб, который недавно открылся. Она оденется и будет ждать. «Эшли-Армз» был на другом конце города. Пока я туда доберусь, открою этот чертов сейф, вернусь назад, поставлю фургон и приеду к Джейни на троллейбусе, будет уже половина первого. Вряд ли она будет ждать так долго. Джейни предупредила, что если опять что-нибудь сорвется, другого шанса не будет.

Я не мог позвонить ей из конторы. Частные разговоры по служебному телефону были запрещены. Придется звонить из телефона-автомата, который находился в конце улицы. Я собрал чемодан с инструментом и вышел к фургону. Начал моросить дождь, а я не захватил плаща. На улице было полно машин, и, когда я добрался до автомата, места для парковки не нашлось. Мне пришлось минут десять кружить,

пока не освободилось место, где я смог оставить фургон.

Когда я набирал номер Джейни, на часах было двадцать минут двенадцатого. Едва я начал объяснять, в чем дело, она сразу полезла в бутылку.

– Если ты не можешь прийти, то я знаю, кто может, – сказала она. – Я тебя предупреждала, Чет! Мое терпение лопнуло! Мне надоело, что с тобой всегда все срывается. Хватит!

– Но послушай, Джейни, я же не виноват, что...

Она не захотела даже выслушать. Я еще раз набрал ее номер, но Джейни не поднимала трубку. Я подождал пару минут, затем повесил трубку и вернулся к фургону. В довершение ко всему дождь превратился в такой сильный ливень, что даже водоплавающим хватило бы воды, чтобы утонуть. До «Эшли-Армз» я добрался чернее тучи. Я проклинал «Сейфы Лоренса». Я проклинал мистера Генри Купера. Я проклинал себя за то, что не захватил плаща, зная, что после конторы мне придется идти домой пешком и дождь окончательно испортит мой выходной костюм, в котором, правда, от выходного было только название.

«Эшли-Армз» был крупным жилым кварталом в лучшем районе города. Я вошел в подъезд и подошел к стойке швейцара. Он сказал мне, что квартира мистера Купера находится на третьем этаже. Генри Купер оказался высоким, грузным человеком с непомерным самомнением. У него было багровое лицо пьяницы и брюхо обжоры. Дверь он открыл сам и, как только я переступил порог, стал орать, на чем свет стоит

ругая меня за задержку.

Я сказал, что дороги забиты и что я очень сожалею. От моих объяснений он отмахнулся и, продолжая недовольно ворчать, провел меня в роскошно обставленную гостиную. Он подошел к картине в богатой раме, изображавшей толстую обнаженную женщину, возможно работы Рубенса, но может, и нет, и повернул ее на утопленных в стене петлях. За картиной находился один из наших самых дорогих встроенных сейфов.

Раскладывая инструмент, я вдруг заметил девушку, лежащую на кушетке. Она была одета в белое вечернее платье с таким большим вырезом, что было непонятно, что, собственно, оно должно прикрывать. Зажав в пальцах сигарету, которую изредка подносила к ярко покрашенным губам, девушка листала журнал. Вдруг она подняла глаза и с любопытством посмотрела на меня. Девушка немного напоминала Джейни. У нее были того же цвета волосы, такие же длинные изящные ноги, но на этом сходство заканчивалось. У этой подруги был шик, которого у Джейни не было вовсе. У Джейни – соблазнительная фигурка, обаяние и походка, заставляющая мужчин оборачиваться, но во всем какая-то вульгарность. Здесь же вульгарностью и не пахло.

– Сколько надо времени, чтобы открыть сейф? – спросил Купер. – Я тороплюсь.

С трудом я отвел взгляд от девушки и подошел к сейфу.

– Немного, сэр, если вы сообщите номер кода.

На клочке бумаги он нацарапал номер и передал его мне, затем подошел к низкому столику с напитками и стал смешивать себе коктейль. Едва я принялся за работу, как где-то в глубине квартиры раздался телефонный звонок.

– Это, должно быть, Джек, – сказал Купер девушке и вышел из комнаты, оставив дверь открытой. Вдруг девушка тихо сказала:

– Давай пошустрей, парень. Старый балбес обещал мне жемчужное ожерелье. Боюсь, как бы он не передумал.

Я опешил. Девушка смотрела прямо на меня, и у нее в глазах был холодный блеск. Точно такой же блеск появлялся в глазах у Джейни, когда ей что-нибудь от меня было нужно и она считала, что добиться этого непросто.

– Это займет не больше трех минут, – сказал я. – Не волнуйся.

Времени, чтобы открыть сейф, понадобилось еще меньше.

– Ну и сейф! – сказала она. – Его даже ребенок откроет.

Я заглянул в него. На трех полках рядами лежали пачки стодолларовых банкнот. Столько денег сразу я еще никогда не видел. Трудно было даже прикинуть, сколько же их там было, – может, полмиллиона. Девушка соскользнула с кушетки и подошла ко мне. Я почувствовал запах духов, и ее рука коснулась моей – так близко мы стояли.

– Пещера Аладдина! – сказала она, затаив дыхание. – Боже мой! Вот куда бы запустить руки!

Я услышал, как тренькнул телефон, предупредив, что Купер закончил разговаривать. Девушка услышала тоже и быстро вернулась на свое место. Я захлопнул дверцу сейфа в тот момент, когда в комнату вошел Купер.

– Неужели еще не все? – раздраженно спросил он.

– Сейчас, сэр, – сказал я и щелкнул замком. – Теперь готово.

Он попробовал дверцу сейфа, приоткрыл ее на несколько дюймов и сказал:

– Мне нужен дубликат ключа.

Я ответил, что сделаю его, и, собрав инструменты, двинулся к двери. Я пожелал спокойной ночи девушке на кушетке. В ответ она только кивнула. У входной двери Купер дал мне пару долларов. Сунул он их без всякого энтузиазма, пробурчав, что, если впредь ему что-нибудь от меня понадобится, чтобы я не заставлял себя ждать. И опять напомнил про дубликат ключа.

По дороге в гараж я думал о деньгах в сейфе Купера. Уже не первый год меня не устраивала моя зарплата. Уже не первый год я был вынужден мириться с тем, что моя работа не дает возможности разбогатеть. Я размышлял о том, что бы стал делать, окажись эти деньги у меня. Я подумал, как просто проникнуть в квартиру, вскрыть эту консервную банку, что стояла у Купера под видом сейфа, и завладеть деньгами. Я говорил себе, что не собираюсь ничего подобного делать, но мысль об этом так и вертелась у меня в голове. Не

избавился я от нее и на следующий день, когда сменить меня пришел Рой. Роя я знал всю жизнь. Мы вместе ходили в школу, и папаша Роя пристроил его на работу в корпорацию «Сейфы Лоренса» в тот же день, когда эта замечательная идея пришла в голову и моему отцу. Внешне мы с Роем очень похожи: он тоже смуглый, высокий и крепко сложенный, носит тонкие усики, которые делают его похожим на итальянца. К деньгам у него такая же тяга, что и у меня. Чем мы с Роем отличались, так это тем, что в его жизни женщины не играли никакой роли. Он женился в девятнадцать лет, но из этого брака ничего не вышло. Год спустя жена от него ушла, и на этом женщины перестали для него существовать. Единственной его страстью были бега и ставки на них. Он всегда сидел без денег и всегда пытался перехватить немного у меня.

Я рассказал ему о деньгах Купера. Мы были одни. Шел сильный дождь, и потоки воды струились по окнам. Домой я не спешил. Я рассказал ему о девушке в квартире Купера и о том, как открыл сейф.

– Похоже, там полмиллиона долларов в стодолларовых бумажках, – сказал я, расхаживая по конторе, а Рой сидел за столом и курил. – Ты только представь себе, сколько там денег!

– Одним все, другим ничего.

– Да уж. – Я подошел к окну и выглянул в дождливую темноту.

– Ладно, мне, наверное, пора. Спокойной ночи.

– Погоди, не убегай, – сказал Рой. – Полмиллиона? Так много?

– Меньше быть никак не может. Там было три полных полки.

– Сядь-ка. Давай обсудим. – Мы посмотрели друг на друга. Его глаза выдавали внутреннее напряжение. – Такие деньги мне бы не помешали, Чет.

Я сел и тут же почувствовал, как застучало сердце в груди.

– Мне бы тоже не помешали.

– На мне сейчас висит пятьсот долларов, – сказал он. – Мне кровь из носу нужно достать денег. Слушай, а если мы этот сейф очистим? – Он откинулся на стуле и не сводил с меня взгляда. – Кажется, дело-то простое.

– Похоже.

Мы оба замолчали, глядя, как капли дождя разбиваются об оконное стекло.

Наконец Рой сказал:

– Я уже давно жду случая вроде этого. Мне до чертиков надоела такая жизнь. Ты ведь так же думаешь, разве нет?

– Да.

– Ну и что дальше? Возьмемся?

– Мне бы не хотелось, но деваться некуда. Уж слишком все просто.

Он улыбнулся:

– Не надо бояться. Если за это дело взяться с головой, все

пройдет гладко.

Я присел на край стола.

– Согласен.

– Давай сядем и все обмозгуем.

Весь следующий час мы обсуждали план ограбления. Чем больше мы обсуждали, тем легче, казалось, было его осуществить.

– Надо выяснить, когда этот парень уходит из квартиры. Это единственное, что нам нужно знать, – сказал Рой. – Выясняем, что его нет, пробираемся в квартиру, вскрываем сейф и очищаем его. Вот что тебе надо сделать. Ты берешь дубликат ключа, который он просил тебя привезти, и разговариваешь со швейцаром. От него узнаешь, когда Купера не бывает дома. Швейцары любят поговорить. Он тебе все выложит, если повести себя правильно. Когда будем знать, что его нет, мы придем и заберем деньги.

Тогда нам казалось, что на свете нет ничего проще.

II

На следующий день я отправился в «Эшли-Армз». На мне была форма корпорации «Сейфы Лоренса»: куртка, бутылочного цвета брюки и фуражка с кокардой. Рой сказал, что подъедет за мной в фургоне, как только закончится его дежурство. Я приехал в «Эшли-Армз» чуть позднее половины одиннадцатого. Швейцар сидел за своей стойкой и со скучающим выражением лица листал какую-то книгу. Едва я вошел, он тут же меня узнал и кивнул:

– А, это снова вы? Если опять к мистеру Куперу, то вам не повезло. Его нет дома.

– А когда он вернется? – спросил я, облакачиваясь о стойку и доставая пачку сигарет.

Швейцар взглянул на стенные часы:

– Через полчаса.

– Я подожду. Мне надо ему кое-что передать лично.

– Оставьте мне. Я ему передам.

Я покачал головой:

– Не могу. Это ключ от его сейфа. Мне нужно отдать его только из рук в руки и получить расписку.

Он пожал плечами и взял предложенную мной сигарету.

– Как хотите.

– А вы уверены, что он вернется через полчаса?

– Еще бы! Он всегда точен. Он уезжает в восемь и возвра-

щается в одиннадцать.

– Да, есть такие люди, – сказал я. – По ним можно часы проверять.

– Во-во, он как раз такой. У него три ночных клуба. Он объезжает их каждую ночь. Включая воскресенья. Возвращается сюда поужинать в одиннадцать, а потом опять уезжает около часу – посмотреть, как клубы будут закрываться, и подсчитать выручку. У него так заведено.

– А вы что, всю ночь дежурите? – спросил я как бы между прочим.

– Я заканчиваю в час. После часа мы здесь все запираем. У каждого жильца есть свой ключ. – Он скорчил гримасу. – Вы представить себе не можете, сколько раз меня вытаскивали из постели из-за того, что какой-нибудь ротозей забыл ключ.

Все это было мне очень на руку.

– Пройшей ночью Купер потерял ключ от своего сейфа, – сказал я. – Испортил мне весь вечер.

– Это на него похоже. – Швейцар покачал головой. – Всего неделю назад он потерял ключ от входной двери. Вытащил меня из постели в пять утра, будь он неладен!

– Он что, возвращается так поздно?

– Ну да, а потом спит целый день... Ну и жизнь!

Теперь я знал все, что мне было нужно, и незаметно перевел разговор на другую тему. Я тянул резину, болтая о том о сем, пока не появился Купер. Он вошел без минуты одиннадцать. Я двинулся навстречу и встретил его на полпути.

– Я привез вам ключ от сейфа, сэр, – сказал я.

Сперва он меня не признал.

– А, это ты, – скривился он. – Ну, давай его.

– Хотелось бы убедиться, что он подходит. Не разрешите мне подняться?..

– Что ж, пошли.

Когда мы поднялись на третий этаж, он открыл дверь, и я прошел за ним в гостиную.

Я вставил ключ в дверцу сейфа, он все время стоял у меня за спиной. Когда я поворачивал ключ в замке, у меня мелькнула дикая мысль обернуться, трахнуть его по голове, взять деньги и смыться, но я не стал этого делать. Вместо этого я опять запер сейф и отдал ему ключ.

– Все в порядке, сэр.

– Ладно. – Он сунул ключ в карман. – Спасибо.

Он сказал это неохотно, и его рука потянулась было в карман, но дальше этого дело не пошло. Я видел его насквозь. Он уже дал мне два доллара и убеждал себя, что этого более чем достаточно. Это проявление жадности, пусть даже такое мелкое, помогло мне решиться. Последние сутки я никак не мог определиться, брать или не брать деньги, и ждал предложения, чтобы принять окончательное решение. Этот предлог он мне предоставил.

Я вышел из квартиры, спустился на лифте на первый этаж, махнул рукой швейцару и вышел на улицу. Рой ждал меня в фургоне.

– Это был Купер? Жирный боров с красной рожей?

– Он самый. – Я влез в фургон и устроился рядом с Роем. – Все очень просто. Мы можем его обчистить в воскресенье.

Мы решили провернуть наше дельце в выходной. Рой взял машину, и мы были готовы. Ночь выдалась очень дождливая, но это нам было только на руку. Дождь разогнал людей с улицы, правда в нашем забытом Богом городке не так много народа гуляет в час ночи. Рой заехал за мной, и мы направились в «Эшли-Армз», добравшись туда, как и предполагали, без пяти минут час. Рой припарковался на платной стоянке, где, кроме нашей, было еще машин сорок, мокнущих под дождем.

Мы сидели плечом к плечу, наблюдая за парадным подъездом, и оба нервничали. Я слышал, как Рой часто дышит своим коротким толстым носом, и думал о том, слышит ли он, как стучит мое сердце. Когда стрелки часов на приборном щитке показали час, мы увидели выходящего из дома Купера, который направился к белому «ягуару», стоявшему в десяти ярдах от нас. Наклонив голову навстречу струям дождя, он добежал до машины, даже не взглянув в нашу сторону. Мы видели, как он втискивал свое грузное тело в автомобиль и как, взревев двигателем, машина скрылась в темноте.

– Одним на нашем пути меньше, – сказал Рой. Голос у него был хриплый и срывающийся. Несколько минут спустя мы увидели, как швейцар закрыл стеклянную дверь главного входа и повернул ключ. Через стекло было видно, как он

прошел через холл и спустился по лестнице к себе.

– Пошли, – сказал Рой и открыл дверцу машины.

Сердце у меня билось так сильно, что перехватывало дыхание. Схватив свой ящик с инструментом, я вылез из машины. Пока я бежал до стеклянной двери, в лицо мне били холодные струи дождя. Роли у нас были распределены заранее. Я должен был открыть двери, а Рой стоял на стреме. Замок никак не хотел поддаваться. В обычных условиях я бы с ним справился за три-четыре секунды, но сейчас руки у меня тряслись. Когда Рой, не выдержав, начал меня проклинять, дверь наконец поддалась.

Мы тихо прошли к лестнице, решив не пользоваться лифтом: а вдруг швейцар еще не лег спать и захочет посмотреть, кто это разъезжает на лифте в такой час.

Поднявшись по лестнице и никого не встретив, мы остановились перевести дух только у двери Купера. На этот раз с замком я справился быстро. Первый же ключ, который я вставил в замок, подошел. Я толкнул дверь и вошел в темную прихожую. Следом за мной вошел Рой. Несколько мгновений мы стояли не двигаясь и прислушивались. Тишину нарушало только тиканье часов где-то в глубине квартиры и урчание холодильника на кухне.

– Ну давай, – сказал Рой. – Чего мы ждем?

Я вошел в гостиную и включил свет. Рой, войдя за мной, закрыл дверь.

– Да, жить он умеет, – сказал он, оглядываясь. – А где же

сейф?

Я подошел к картине с обнаженной женщиной и повернул раму. Набрал номер кода, я вставил ключ, который изготовил для себя вместе с дубликатом для Купера, замок щелкнул, и дверца распахнулась.

– Гляди!

Мы стояли бок о бок, уставившись на аккуратно уложенные пачки стодолларовых купюр.

– Вот это да! – Пальцы Роя впились в мою руку. – Этого нам с тобой за глаза хватит на всю оставшуюся жизнь!

И вдруг раздался звук, от которого мы оба похолодели: кто-то вставил ключ в замок входной двери. Парализованный страхом, я застыл на месте. Единственное, что мне удалось сделать, – обернуться.

Другое дело Рой. Какую-то долю секунды он оставался неподвижным, а затем с быстротой ящерицы метнулся в сторону и выключил свет в тот момент, когда дверь начала открываться. Свет из прихожей упал в темную комнату, образовав яркий белый треугольник, в центре которого стоял я. В дверном проеме показалась та самая длинноногая блондинка, что я видел лежащей на кушетке в свой первый визит к Куперу. Секунду мы смотрели друг на друга. Затем она отшатнулась назад и испустила крик, пронизавший мой мозг, как раскаленный докрасна железный прут.

– Сюда! – закричала она. – Грабитель!

За ней показалась тучная фигура Купера. Он оттолкнул ее

в сторону и ворвался в темную гостиную. Все это случилось очень быстро, я по-прежнему стоял перед открытым сейфом, перепуганный насмерть и не в состоянии тронуться с места. Девчонка выскочила из квартиры и бросилась вниз по лестнице, визжа как поросенок.

Я видел смутные очертания фигуры Роя, прижавшегося к стене у двери. Влетевший в комнату Купер его не заметил. Уставившись на меня, он тянул ко мне руки так, будто хотел схватить за горло. Движения Роя были бесшумны. Я видел, как он взмахнул ломиком, который мы прихватили на случай, если замок не удастся открыть. И в тот момент, когда Купер действительно попытался меня схватить, Рой с силой опустил лом ему на голову. Купер упал как подкошенный.

– Быстрее! – выдохнул Рой. – Бежим!

Мы слышали, как где-то внизу продолжала кричать девчонка. Я бросился к двери.

– Чет! – Голос Роя позади меня выдавал его страх. – Вниз нельзя! Бежим наверх!

Но я уже был на лестнице и бежал вниз. Мой мозг был парализован паникой. Мной владела лишь одна мысль – вырваться на улицу и бежать! Добравшись до второго этажа, я бросился к лестничному пролету, ведущему на первый этаж. Вдруг прямо передо мной открылась дверь в квартиру, и из-за нее выглянул испуганный худой старик со взъерошенными седыми волосами. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, пока он с силой не захлопнул дверь. Следую-

щий лестничный марш я одолел в три прыжка и, не рассчитав, потерял равновесие и растянулся на площадке. Вскочив на ноги, я совершил последнее усилие и оказался в холле.

Длинноногая блондинка сидела, скорчившись, у стойки швейцара. Она в ужасе смотрела на меня, полуоткрыв накрашенные губы и продолжая издавать леденящий душу визг. Швейцар, одетый в рубашку и брюки, со всклоченными на затылке волосами, выскочил из своего подвала и бросился на меня. Мы покатались по полу как ком, в котором крепко переплелись руки и ноги.

Я ударил его по голове, по корпусу и сам получил пару ударов в лицо, прежде чем мне удалось освободиться. Затем вскочил на ноги и бросился к двери. Как только я ее распахнул, швейцар начал свистеть в полицейский свисток. Этот свисток и крик девчонки превратили тишину в кромешный ад, который выбросил меня под дождь.

Я бежал вдоль дорожки, по которой машины подъезжают к парадному входу, и в ушах моих все еще звенел крик блондинки, пока его не заглушил пронзительный звук полицейской сирены. Я бежал, сердце колотилось все громче, глаза заливал пот. Услышав сзади окрик, я обернулся и увидел бегущего за мной человека в полицейской фуражке. Я продолжал бежать, и вдруг раздался звук выстрела. Мимо моего лица что-то просвистело. Я сделал резкий рывок в сторону и бросился туда, где было темнее.

Раздался еще выстрел. Я почувствовал, как необычайной

силы рука схватила меня за спину и бросила лицом вниз на асфальт. Белая горячая боль пронизала все тело. Я попытался перевернуться, но боль лишила меня силы. Последнее, что я запомнил, прежде чем потерять сознание, был звук приближающихся шагов...

Глава вторая

I

Я услышал голоса, доносившиеся издалека и как бы ниоткуда, будто кто-то шептал мне из конца туннеля длиной в целую милю. Затем я почувствовал тупую боль в груди, все усиливающуюся по мере того, как я выбирался из темной ямы, в которой оказался. Я приоткрыл глаза.

Меня окружали белые стены. Я различил фигуру человека, склонившегося надо мной. Разглядеть его получше никак не удавалось, и при новом приступе боли я закрыл глаза. Мой мозг, однако, уже работал. Я помнил, как бежал по лестнице, пытаюсь спастись, помнил свою схватку с швейцаром, дикий иступленный крик длинноногой блондинки и свое бессмысленное бегство наугад по ночной улице. Как наяву, я вновь услышал грохот двух выстрелов полицейского пистолета.

Значит, меня поймали. Неудачная попытка разбогатеть обернулась пока больничной койкой и стоящим у изголовья полицейским.

– Если его не так сильно задело, – вдруг раздался голос, – почему мне нельзя встряхнуть его как следует и поговорить по душам?

Грубый, суровый голос полицейского, такой часто слышишь в фильмах, совершенно не задумываясь о том, что когда-нибудь таким тоном кто-то обратится к тебе.

– Он еще не пришел в себя, – сказал другой голос. – Тут нет никакой спешки, сержант. Парню повезло: еще дюйм вправо – и его бы уже не было.

– Да? Бьюсь об заклад, когда я им займусь, он пожалеет, что остался в живых.

Слова полицейского окончательно привели меня в чувство. Сквозь полуприкрытые веки удалось разглядеть двух человек, стоявших у кровати. Один из них, большой и толстый, был одет в белый халат – судя по всему, доктор. Другой – тоже крупный мужчина с одутловатым красным лицом, маленькими жесткими глазками и тонкими, как разрез бритвы, губами. Его потрепанный темный плащ и то, как на нем сидела шляпа, безошибочно указывали на его ремесло: это был полицейский, и грубый голос принадлежал именно ему.

Я лежал тихо, стараясь справиться с болью в груди, и вдруг вспомнил о Рое. Он не запаниковал, как я, побежал вверх по лестнице, в то время как я бросился вниз прямо в руки легавых. Удалось ли ему спастись? Если его не видели выходящим из здания, он в порядке. Поймали только меня. Именно я видел деньги в сейфе Купера. Именно я разговаривал со швейцаром и расспрашивал его о Купере. Только меня видели бегущим вниз по лестнице. Все это время Роя около меня не было.

Затем я вспомнил звук, с которым железный прут в руке Роя опустился на голову Купера. Это был ужасный удар: Рой стукнул с такой яростью, которой я никак от него не ожидал. Внезапно мне стало нехорошо от страха. Что случилось с Купером? Неужели Рой убил его?

Потом я почувствовал застарелый запах пота и табака так близко, что открыл глаза и совсем рядом увидел склонившееся надо мной красное лицо полицейского. Мы были одни. Я не слышал, как ушел доктор, но он, наверное, действительно ушел, потому что в комнате его не было. Полицейский ухмыльнулся, показав свои пожелтевшие от табака зубы. Точно так же ухмыльнулся бы волк, глядя на свою жертву.

– Ну что, подонок, выкладывай, – сказал он. – И побыстрей. Я ждал два дня и две ночи, пока ты оклемаешься. Валяй!

Это только начало. У полицейских были смутные подозрения, что в этом деле я участвовал не один, но им не за что было зацепиться, и поэтому они всячески пытались выпытать, был ли со мной еще кто-нибудь. Я отвечал, что никого со мной не было, и продолжал держаться этой линии. Мне сказали, что Купер при смерти, а мне предъявлено обвинение в покушении на убийство и что, если я был не один, самое время об этом рассказать. Я стоял на своем, что провернул все в одиночку.

Наконец им надоело вытягивать из меня признание насчет соучастников. К тому же, как оказалось, рана на голове Купера была не такой уж серьезной и он быстро поправлялся.

Судя по выражению лиц полицейских, эта новость их очень огорчала.

– Но ты запросто мог его убить, – сказал сержант с желтыми от табака зубами, – а для судьи этого более чем достаточно. Тебе влепят десять лет, и о каждом годе ты горько пожалеешь.

Из больницы меня перевели в тюрьму. Я просидел там три месяца, пока Купер не окреп достаточно, чтобы дать против меня показания.

Я запомню этот суд на всю жизнь. Когда меня ввели в зал, я огляделся. Первой, кого я увидел на местах, отведенных для публики, была Джейни. Это меня удивило. Она махнула мне рукой, и мне удалось выдавить в ответ улыбку. Уж кого-кого, а ее-то я никак не ожидал здесь увидеть. Там же сидели Франклин, мой босс из корпорации «Сейфы Лоренса», и рядом с ним – Рой. Мы с Роем обменялись взглядами. Он выглядел бледным и похудевшим. Представляю, что ему пришлось пережить за эти три месяца, не зная, заложу я его или нет. Судья был щуплым человеком с узким неприятным лицом и стальными глазами. Я понял, что выпутаться мне не удастся.

Купер, похудевший и с забинтованной головой, рассказал, как я приходил к нему открывать сейф и как он попросил меня сделать дубликат ключа. Затем показания давала длинноногая блондинка. Она была одета в голубое платье, которое так подчеркивало ее округлости, что на нее уставились

все мужчины в зале, включая и судью. Блондинка сообщила, что работает певицей в одном из клубов Купера и время от времени приходит к нему на квартиру обсудить свой репертуар. Каждому из присутствующих в зале суда было ясно, какой репертуар она являлась обсуждать в час ночи, и взгляды, устремленные на Купера, выражали неприкрытую зависть. Певичка сказала, что, когда я открывал сейф, Купера в комнате не было и она видела, как я заглянул в сейф, а затем закрыл дверцу и сделал вид, что ничего не открывал.

Купер сообщил судье, как увидел меня перед открытым сейфом и, когда он ко мне приблизился, я ударил его железным прутом. Удивил меня Франклин, вышедший для дачи показаний в мою защиту. Он сказал, что я был их лучшим сотрудником и до этого инцидента пользовался абсолютно полным доверием руководства фирмы. Но говорил он впустую. Было видно, что его речь произвела на судью такой же эффект, как горсть гравия, брошенная в броню танка. Мой адвокат, упитанный господин средних лет, все заседание боролся со сном. После того как были заслушаны все свидетели обвинения, он посмотрел на меня, скривился, медленно встал и заявил, что его клиент, то есть я, признает себя виновным и просит у суда снисхождения. Может, ничего другого он и не мог сделать, но мне казалось, что, по крайней мере, адвокат мог бы сказать это так, будто ему действительно жаль. А так у меня, да и у всех в зале, создалось впечатление, что он уже поглощен следующим процессом.

Судья несколько мгновений рассматривал меня с садистским удовольствием. Наконец он изрек, что я воспользовался оказанным мне доверием в корыстных целях и поставил под удар репутацию старинной солидной фирмы, в которой достойно трудились мои отец и дед. Поскольку это мое первое правонарушение, он хотел бы отнестись ко мне снисходительно. Я не верил ни одному его слову, ибо видел по его маленьким холодным глазкам, что он говорит все это исключительно ради удовольствия слышать свой собственный голос. Однако, по его словам, мое дикое и жестокое нападение на Купера, которое могло стать убийством, не позволяет суду проявить снисходительность. Затем он приговорил меня к десяти годам, отбывать которые мне предстояло в тюрьме Фарнуорт, где умеют обращаться с такими опасными преступниками, как я.

Наступил момент, когда я мог выдать Роя, и он почувствовал это. Я обернулся на него, и наши глаза встретились. Он сидел очень прямо и явно был напряжен, как натянутая тетива. Он знал, о чем я думаю. Стоит мне только показать на него судье и сказать, что удар Куперу нанес Рой, как я получу отсрочку еще на пару месяцев до нового суда, и если мои слова подтвердятся, то в Фарнуорте мне не бывать...

Фарнуорт был печально известным тюремным комплексом для особо опасных преступников и располагался за две сотни миль от города. Последние три года о порядках Фарнуорта постоянно кричали газеты, а наиболее совестливые

журналисты требовали у властей закрыть его, поскольку он, по их словам, мало отличался от нацистских концлагерей. Я читал эти статьи и, как многие другие, был шокирован прочитанным. Если газетчики писали правду, то условия содержания там настолько ужасны, что существование Фарнуорта недостойно цивилизованного общества. От одной мысли о том, что в этом аду мне предстоит провести десять лет, во мне что-то оборвалось.

...Мы с Роем смотрели друг на друга. Глядя на него, я вспомнил о тех мелочах, которые он для меня делал, когда мы вместе ходили в школу, а потом вместе работали. Вспомнил его искреннее дружеское сочувствие, когда знакомые девчонки динамили меня. Вспомнил наши долгие беседы, когда мы строили планы на случай, если удастся разбогатеть. Все это, вместе взятое, не позволяло мне предать Роя. Я улыбнулся ему. Улыбка получилась жалкой, но, по крайней мере, я дал ему понять, что он в безопасности.

Я почувствовал на своем плече тяжелую руку одного из полицейских, стоявших около меня во время суда.

– Шагай, – процедил он сквозь зубы.

Я посмотрел на Джейни, которая вытирала платком слезы, взглянул еще раз на Роя и пошел вниз по ступенькам из зала суда, из мира свободы в будущее, где не было места даже надежде. Единственное, что меня утешало, пока я ждал отправки в Фарнуорт, так это то, что я не выдал Роя. Эта мысль помогла мне сохранить уважение к себе, а учитывая,

куда мне предстояло отправиться, это было не так уж мало.

II

Фарнуорт не был тюрьмой с высокими стенами и надежно запертыми камерами. Это была тюрьма цепей, метких стрелков-охранников и свирепых собак. Если дни, проведенные там, были ужасны, то о ночах вообще говорить нечего. В конце каждого дня семьдесят семь вонючих, невымытых мужчин загоняли, как стадо скота, в барак длиной в пятьдесят и шириной в десять футов, в котором было одно маленькое, забранное решеткой окно и обитая железом дверь. Каждого заключенного приковывали на ночь к цепи, которая опоясывала весь барак. Секрет заключался в том, что стоило кому-то шевельнуться во сне, как цепь натягивалась и будила остальных.

После проведенного на работах под палящим солнцем дня, когда от изнурительного труда ныла каждая клеточка тела, малейшее раздражение становилось невыносимым. Стоило кому-то в беспокойном сне дернуть цепь, его сосед тут же отвечал на это ударом кулака, и в душной темноте постоянно вспыхивали жестокие драки. После того как нас запирали в бараке, охранники уходили до утра. Их не волновало, что в очередной ночной драке кого-то могут убить. Для них эта смерть означала лишь: одним злодеем меньше.

На ночь заключенные оставались под присмотром всего одного человека, по имени Байфлит. Он отвечал за собак.

В нем самом было нечто дикое и примитивное, чего боялись даже его подопечные псы, которые содержались в большом железном сарае. По свирепости они не уступали тиграм. Каждый день в семь часов вечера заключенных приковывали к двухъярусным койкам, охранники уходили, и тогда наступало царство гиганта с заплывшим лицом поросенка – Байфлита. Держа в руках бейсбольную битку, он входил в сарай и выпускал собак. Никто, за исключением Байфлита, не отваживался появляться на территории до половины пятого утра, когда он загонял собак в сарай и на службу заступали охранники.

Ночь за ночью я лежал без сна на своей койке, прислушиваясь к рычанию собак, рыскавших вокруг барака. Чтобы сбежать отсюда, нужно было придумать, как их нейтрализовать. С того момента, когда я оказался в Фарнуорте, для меня не было сомнений, что нужно бежать. Я десять дней провел в этой тюрьме и считал, что уже задержался там слишком надолго. Если бы не собаки, я бы выбрался в первую же ночь, невзирая на риск быть подстреленным. Ни замок, на который цепь запиралась на моей лодыжке, ни запор на входной двери в барак не представляли для меня никакой трудности.

Во время первой ужасной ночи в бараке мне удалось расплести проволочную сетку койки, и после невероятных усилий и ценой окровавленных пальцев я исхитрился отломить кусок толстой проволоки около трех дюймов длиной. При наличии этой проволоки и определенного терпения я мог

справиться с любым замком в Фарнуорте. Меня сводила с ума мысль о том, что я мог бы выбраться из этого вонючего сарая, если бы не свирепые псы, рыскающие в темноте. Нужно было что-то придумать, чтобы их одурачить.

В следующие дни я пришел к выводу, что о бегстве в дневное время не могло быть и речи. Каждое утро нас выводили в поле под охраной шести вооруженных автоматическими винтовками тюремщиков. Кроме того, все они были верхом на лошадях. Местность, совершенно лишенная растительности, была гладкой, как ладонь. Задолго до того, как мне удалось бы достичь протекавшей вдалеке реки или шоссе, меня непременно подстрелил бы кто-нибудь из охранников, бросившись за мной вдогонку на лошади.

Если отсюда и можно сбежать, то только ночью, но сначала надо придумать, как быть с собаками. Поэтому все дни, пока я надрывался в поле, как и большинство ночей, проведенных в зловонном бараке, я не переставал ломать голову над тем, как обмануть собак.

Каждое утро, когда нас выстраивали на перекличку, я проходил мимо их загона. В железном сарае их было десять: огромные свирепые животные – восточноевропейские овчарки и волкодавы. Против этих десяти монстров у человека не было никаких шансов. Они его окружают и разорвут на части прежде, чем он успеет отбежать от барака на двадцать ярдов. Это был тупик.

Только после месячного пребывания в Фарнуорте я смог

найти выход. Меня направили на дежурство по кухне: занятие, которого все боялись как огня. Дело в том, что пища, которую давали заключенным, была практически несъедобной. Неизменное меню включало картофельный суп, в котором плавали ошметки гнилого мяса. Работа на кухне в жару при сильнейшей вони гниющего мяса оказывала рвотное действие даже на самых неприхотливых. Чтобы хоть как-то отбить запах тухлятины, повар не жалел перца, и именно перец натолкнул меня на идею, как обмануть собак.

В течение следующих трех дней я возвращался в барак, набив карманы перцем, который прятал в соломенном матрасе на своей койке. Я уже существенно продвинулся в подготовке побега. У меня был кусок проволоки, чтобы открыть дверь барака, и достаточно перца, чтобы сбить со следа собак, когда я доберусь до реки. Но если собаки заметят меня раньше, никакой перец мне не поможет. Перец пригодится только в том случае, если мне удастся выбраться, не попавшись им на глаза, и преследование начнется только потом, когда их пустят по следу. Если мне удастся придумать, как это сделать, для побега все будет готово.

Несколько следующих дней я внимательно прислушивался к звукам, доносившимся из железного сарая. Эти звуки позволили мне составить представление о том, что там происходит.

Байфлит заступал на дежурство в семь часов вечера, когда еще было светло. Заключенные пересчитывались и заго-

нялись в барак, где один из охранников сажал их на цепь под наблюдением Байфлита. Затем барак запирался, а Байфлит отправлялся к сараю с собаками и выпускал их. После этого он уходил в хижину, где была кровать, и ложился, может быть – даже спал. Когда вокруг бегали десять псов, ему не было нужды бодрствовать.

Без пятнадцати четыре утра Байфлит выходил из хижины и шел на кухню забрать пару ведер с обрезками мяса для животных. Он относил их в загон, а собаки бежали за ним. Судя по доносившемуся то и дело визгу – так собаки визжат от боли, – он, должно быть, стоял рядом и наводил порядок. Все это занимало некоторое время. В двадцать минут пятого он закрывал загон, шел к паровой сирене и давал два длинных пронзительных гудка, которые будили заключенных и сообщали охранникам, что собаки заперты в сарае. Заведенный порядок никогда не нарушался. Я пришел к выводу, что единственный шанс спастись – попытаться бежать, как только собаки начнут есть.

Времени, чтобы добраться до реки, у меня будет в обрез: до нее примерно миля по абсолютно открытой местности. Короче, жаловаться было не на что, ведь бегал я всегда быстро. До реки я могу пробежать минут за шесть, но для этого надо выложиться. Только у реки я мог бы воспользоваться перцем, чтобы сбить собак со следа. Мой план был прост: двигаться, пока не начнется погоня, а потом где-нибудь спрятаться и переждать, пока они не устанут меня ис-

кать. Мои дальнейшие передвижения должны происходить только по ночам. Мне предстояло добраться до железнодорожной станции, что милях в двадцати от Фарнуорта. Я намеревался доехать на местном поезде до Окленда, самого большого города округи, и там затеряться.

Была еще одна проблема, смущавшая меня. Чтобы открыть замок, защелкивающий цепь на моей лодыжке, мне нужно от силы пару секунд, но с дверью барака возни явно больше. Пока я буду с ней копаться, не поднимет ли кто-нибудь тревогу? Стоит лишь одному из заключенных закричать, как его может услышать Байфлит, и тогда – пиши пропало. Разработав план с тщательностью, которая гарантировала почти стопроцентный успех, я решил ни в чем не полагаться на случай, если есть хоть какая-то возможность себя обезопасить.

В любой тюрьме есть человек, которого боятся больше других. В Фарнуорте этим человеком был Джо Бойд. Он не отличался высоким ростом – в нем было не больше пяти футов, но шириной он был как два нормальных человека. Его грубое лицо представляло собой маску, испещренную шрамами – следами жестоких драк. Расплющенный нос был растянут на пол-лица, маленькие, недобро поблескивающие глаза прикрывали густые брови. С виду он был вылитый орангутан и вел себя соответственно.

Его койка находилась как раз под моей. Если бы мне удалось убедить его присоединиться ко мне, то никто в бара-

ке не осмелился бы поднять тревогу, пока я буду возиться с дверью. Мог ли я положиться на него, не опасаясь, что он меня выдаст?

Я ничего о нем не знал. Он никогда ни с кем не разговаривал и держался особняком, но стоило кому-то подойти слишком близко, его огромный кулак тут же обрушивался на голову ротозея. Рассказать ему о своем плане, не рискуя быть подслушанным, не представляло труда. Нужно было лишь отогнуть грязный матрац, прикрывавший проволочную сетку моей койки, и вот я уже сверху вниз смотрю ему прямо в лицо.

Полночи я лежал, прислушиваясь к его мощному храпу, и размышлял. Его ненавидели не только заключенные, но и охранники. Трудно было поверить, что он просто так даст мне сбежать. В конце концов, около двух часов ночи я решился предложить ему бежать вместе.

Прежде всего я освободился от цепи на своей лодыжке и отогнул матрац. В темноте мне было его не видно, но я чувствовал его запах и слышал тяжелое, со всхрапываниями дыхание.

– Бойд! – сказал я тихо, но требовательно.

Внезапно его тяжелое дыхание прекратилось. Бойд проснулся так, как просыпаются животные, и я представил, как он вглядывается в темноту своими маленькими, подозрительными обезьяньими глазками.

– Бойд! Ты меня слышишь?

– А? – Он ответил тихо и настороженно.

– Через пару часов я сматываюсь, – сказал я шепотом. – Хочешь со мной?

– Сматываешься?!

– Когда Байфлит будет кормить собак, я выберусь отсюда.

Ты идешь со мной?

– Ты псих! Как ты отсюда выберешься?

– Свою цепь я уже снял – могу снять и твою. Дверь я тоже могу открыть. Так ты идешь?

– А собаки?

– Я уже тебе сказал: мы пойдем, когда Байфлит будет их кормить.

– Пойдем – куда?

– К реке. Если повезет, доберемся до железки. Попытка не пытка. Так что? Да или нет?

– Ты можешь снять эту чертову цепь?

– Да.

– Так снимай!

Я соскользнул со своей койки вниз и оказался рядом с ним, ощупал его массивную ногу, пока не наткнулся на цепь. Возиться с замком в темноте было нелегко, но через несколько минут он открылся, и цепь упала на одеяло.

Когда я выпрямлялся, две горячие потные руки выхватили меня из темноты, и, прежде чем я смог отпрянуть, его пальцы сжались вокруг моего горла. Хватка у него была как тиски. Я стал задыхаться. Я даже не пытался сопротивлять-

ся. Я так и остался стоять на коленях возле него, моля бога, чтобы он меня не убил. Вдруг он отпустил мое горло и, схватив спереди за рубашку, притянул меня к себе.

– Слушай, подонок, – прохрипел он, – если ты хочешь заманить меня в ловушку...

Несколько мгновений я приходил в себя, стараясь восстановить дыхание, затем мне удалось прошипеть в ответ:

– Иди ты к черту, обезьяна! Не хочешь идти – не ходи!

Кто-то неподалеку от нас простонал во сне. Кто-то тихо выругался. Мы оба говорили шепотом. Я чувствовал его злобное дыхание. Похоже, я выбрал правильный тон. Его рука отпустила рубашку.

– Ладно. Я иду!

– Как только мы выберемся, сразу бежим к реке, – сказал я. – У реки мы разойдемся. Они пустят собак по следу, но если мы будем у реки, то сможем их обмануть. Ты умеешь плавать?

– Не твое дело, что я умею, чего – нет, – огрызнулся он. – Открывай дверь! О себе я позабочусь сам.

Я залез обратно на свою койку и улегся, массируя себе горло. В окно пробивались первые лучи солнца. Через час наступит время побега. Я вытащил из тайника кулек с перцем и переложил его в карман рубашки. Я не собирался делиться перцем с Бойдом: чтобы сбить собак со следа, мне самому пригодится каждая крупинка.

Лежа, я наблюдал за тем, как свет за окошком становится

все ярче, и слушал дыхание Бойда. Внезапно я услышал его шепот:

– А ты уверен, что сможешь открыть дверь?

Я повернулся, чтобы было удобнее разговаривать.

– Уверен.

– А почему ты решил бежать?

– Хуже, чем здесь, все равно не будет.

– Да.

Наступило долгое молчание. Затем мы услышали, как две собаки сцепились друг с другом. От этого звука у меня застыла в жилах кровь.

– Эти собаки... – пробормотал Бойд.

– Когда их начнут кормить, им будет не до нас, – сказал я.

– Кто их знает... – ответил Бойд, и я уловил страх в его голосе. Даже такой свирепый зверь, как Бойд, боялся этих собак.

Прошло еще сорок полных напряжения минут. Тонкий кинжал солнечного света начал движение по полу барака, предупреждая меня, что до побега остались считанные минуты. Мое сердце гулко стучало, а руки стали липкими от пота. Некоторые заключенные зашевелились, дергая друг друга общей цепью и обмениваясь проклятиями.

Глянув вниз, я смог различить лицо Бойда.

– Ты это что, серьезно? – спросил он. – Не шутишь?

– Я не шучу, – ответил я.

Рычание собак внезапно перешло в возбужденный лай.

Это был сигнал того, что Байфлит направился на кухню.

– Последи, чтобы здесь никто не поднял шум, пока я открываю дверь, – сказал я Бойду.

– Я послежу, – ответил Бойд и, сев на кровати, опустил свои массивные ноги на пол. Я соскользнул с койки вниз и направился к двери.

Один из заключенных, лысый сморчок с крысиным лицом, приподнялся со своего места.

– Эй, вы что это там? – крикнул он.

Бойд встал на ноги, подошел к лысому и, не говоря ни слова, ударил его в лицо кулаком. Тот упал навзничь, из его разбитого носа потоком хлынула кровь. Бойд встал посередине барака и, уперевшись кулаками в мощные бедра, обвел его взглядом.

– У кого еще есть вопросы? – прорычал он.

Никто не шелохнулся. Сейчас весь барак проснулся, и заключенные сидели на своих койках, беззвучно уставившись на меня. Замок оказался проще, чем я предполагал. Я открыл дверь в тот момент, когда послышался голос Байфлита, осыпающего собак проклятиями.

– Пора! – сказал я и почувствовал, как у меня сел голос.

По спине катились капли холодного пота. Я осторожно вышел на улицу навстречу освежающему утреннему ветерку. Справа от меня, не дальше чем в пятидесяти ярдах, был загон для собак. Я увидел Байфлита, стоявшего спиной ко мне и переливавшего месиво с мясом в большое корыто. Собаки

сгрудились вокруг него и напирали друг на друга, стараясь подобраться поближе. Бойд подошел ко мне. Он тоже оглянулся и посмотрел на загон.

– Пора! – сказал я и бросился бежать.

Я был очень испуган и чувствовал себя голым, стараясь как можно быстрее преодолеть полосу ровной местности, отделявшей меня от протекавшей так далеко реки. Я слышал топанье Бойда за собой. Он тоже бежал изо всех сил, но в беге мне уступал, и я быстро вырвался вперед.

Никогда в жизни я не бегал так быстро. Я мчался, видя перед собой только длинную полосу кустарника, растущего вдоль реки и постепенно увеличивавшегося в размерах. Затем я услышал звук выстрела. Сбавив темп, я обернулся.

Байфлит, пригнувшись около загона, держал в руке револьвер сорок пятого калибра. Он выстрелил еще раз, и я увидел столбик пыли, взметнувшийся футах в пяти слева от Бойда, который упрямо бежал вперед, но не особо быстро. Стрельба становилась опасной.

Я слышал визг и лай собак – они были слишком заняты борьбой за еду, и это меня приободрило. Я вновь ускорил бег и, когда до кустов оставалось не более ста ярдов, обернулся еще раз. Бойд отстал от меня ярдов на двести, но продолжал бежать.

Вой сирены не умолкал, и я понимал, что через несколько минут охранники бросятся в погоню. Я врзался в кусты, опоясывающие берег реки, и, пробежав еще около ста ярдов,

бросился на землю, укрывшись в самой гуще. Через несколько секунд я услышал, как сквозь кусты продирается Бойд. Он был всего в двадцати ярдах от меня, но густые ветки меня надежно скрывали.

– Эй! Черт тебя побери! Ты где? – задыхаясь, спросил он, оглядываясь по сторонам.

Я сидел тихо как мышь. Его компания была мне ни к чему. Мне было нужно, чтобы погоня разделилась. Он вошел в реку, еще раз оглянулся, а потом поплыл на другой берег сильными гребками.

Я достал мешочек с перцем и насыпал его в отвороты штанов, затем быстро пошел между кустами и высоким берегом реки. Теперь я был уверен, что плывущий Бойд не сможет меня услышать, и побежал снова. Мне удалось отбежать довольно далеко, когда я услышал топот лошадей. Пришло время прятаться, и я осмотрелся в поисках подходящего убежища. Мне удалось его найти в густых зарослях кустарника в нескольких ярдах от берега. Я вполз в кусты и распластался на земле. Пот с меня катился градом, а сердце стучало как барабан.

Топот копыт лошадей, продиравшихся сквозь кусты, раздался совсем близко. Вдруг послышался крик и плеск воды. Я сообразил, что один из охранников плыл через реку на своей лошади. Затем я услышал голос:

– Вон он!

Прозвучал выстрел. Еще одна лошадь бросилась в реку.

Раздался еще один выстрел. Я подался немного вперед и слегка раздвинул молодую поросль, чтобы было лучше видно. Я увидел охранника с винтовкой в руках, плывущего на лошади через реку.

Понукая лошадь плыть на другой берег, он выстрелил еще раз, уже точнее. Затем я увидел, как Бойд, пытаясь скрыться, нырнул и быстро поплыл к тому месту, где прятался я. Я видел, как он приближается. Охранник, выбравшись из воды, слез с лошади и, опустившись на одно колено, поднял винтовку.

Бойд, должно быть, почувствовал опасность. Он нырнул в тот самый момент, когда раздался выстрел. Пуля подняла фонтанчик воды как раз в том месте, где за мгновение до этого была голова Бойда. Другой охранник, продираясь на лошади сквозь мелкий кустарник, появился на берегу.

– Он плывет назад! – закричал первый охранник. – Давай за ним! А я постерегу его здесь!

Тот, что был верхом, вновь повернул лошадь в реку. На мгновение показалась голова Бойда. Он уже добрался почти до середины реки, но охранник на лошади успел его заметить. Он направил лошадь в сторону Бойда, но тот опять нырнул. Мне было видно, что гонка была неравной.

Бойд не мог добраться до другого берега прежде, чем охранник успеет его настичь. Видимо, он это и сам понял. Безусловно, он был опытным ныряльщиком и, судя по всему, развернулся под водой и поплыл в сторону преследова-

теля, потому что его голова вынырнула уже за спиной лошади. Охранник его не видел, но его напарник на берегу криком предупредил его. Однако Бойд был уже слишком близко к лошади, и находившийся на берегу не решился выстрелить. Встревоженный верховой развернулся в седле и, увидев голову Бойда, попытался нанести удар прикладом ружья, но промахнулся.

С быстротой атакующей змеи Бойд схватил охранника за запястье и сдернул с лошади в воду. В железных объятиях Бойда охранник был беспомощен. Они оба скрылись из виду, и на месте борьбы забурилась вода. Всплыл один Бойд. Он держался так, чтобы между ним и охранником на берегу находилась лошадь. Держа ее под уздцы, он плыл вниз по течению.

Охранник немного помедлил, потом, видя, что у Бойда появился шанс на спасение, кинулся к своей лошади, вскочил в седло и направил ее в воду. Он бросился вдогонку за Бойдом, которому едва удавалось справляться с лошадию. Бойд проплыл совсем близко от меня: его обезьянье лицо было белым от напряжения, и я видел, как он подгоняет лошадь, стремясь заставить ее плыть быстрее.

Охранник быстро настигал его, но был все еще слишком далеко, чтобы стрелять.

Я увидел, как Бойд вдруг отпустил поводья и нырнул. Видимо, он намеревался проделать тот же трюк, что и с первым охранником, но на этот раз он перемудрил. Преследователь

был начеку, а Бойд самую малость не рассчитал расстояние. Он вынырнул справа и замотал головой, полуослепший от воды, и тут охранник со всего размаха обрушил ему на затылок приклад винтовки. Голова Бойда исчезла с поверхности, а вода вокруг окрасилась в красный цвет.

Охранник решил не испытывать судьбу. Он развернул свою лошадь назад и выбрался на берег недалеко от того места, где лежал я. Теперь я его узнал. Его звали Гири, и он был жестоким садистом, превратившим мое пребывание в Фарнуорте в сущий ад. Будь у меня оружие, я бы им точно воспользовался, но у меня его не было, и я продолжал лежать, наблюдая за тем, как он ждет, когда тело Бойда всплывет на поверхность. Оно вскоре показалось и, дрейфуя лицом вниз, прибилося к нашему берегу. Наконец из воды выбралась и оставшаяся без седока лошадь; подъехав к ней, Гири взял ее под уздцы. Он еще раз оглядел поверхность реки в поисках тела своего напарника. Я заметил его чуть раньше, чем Гири, – оно находилось на отмели у другого берега. Гири выругался и, держа под уздцы вторую лошадь, развернулся и поскакал в Фарнуорт. Я подождал, пока не наступила тишина, а затем осторожно выбрался из своего убежища.

Они разберутся с телами, а потом Байфлит и другие охранники вернутся на лошадях, пустят собак по следу и бросятся за мной в погоню. Тем временем о случившемся оповестят весь штат. Каждый полицейский будет высматривать меня на улицах. Мои приметы сообщат по радио. Пред-

стоит еще долгий путь, прежде чем я окажусь в безопасности, если мне вообще суждено в ней когда-нибудь оказаться. С мешочком перца в руках я вновь пустился в путь. Утреннее солнце уже взошло, становилось жарко. Во время бега перец высыпался из отворотов штанов, перебивая мой запах. Пробежав пару миль, я остановился перевести дыхание – наступила пора перебраться на другой берег. Именно там, в шестнадцати милях от места, где я находился, проходила железная дорога.

Я снял брюки и свернул их в узел, в который засунул мешок с перцем. Прикрепив узел к голове ремнем, я вошел в воду и поплыл на другой берег.

Глава третья

I

Было без десяти четыре пополудни. Я лежал в тени дерева, растущего на склоне холма, упиравшегося в автостраду. Передвигаясь только лесом, росшим вдоль реки, я забрался довольно далеко. Никаких звуков погони я не слышал. Затем с перцем полностью себя оправдала: собакам не удалось взять след. До железной дороги было еще пять миль, а местность стала уже открытой и ровной. Я не рискнул выйти из леса до темноты.

Подо мной, у самой автострады, стояла небольшая ферма. Она не представляла собой ничего особенного и состояла из жилого дома, трех хозяйственных построек, амбара и разбросанного вокруг хлама. Сначала я не обратил на нее никакого внимания, но потом заметил девушку, вышедшую из дома и направившуюся к одному из сараев. Она несла две большие корзины мускусных дынь. Издалека я не мог разоб- рать, как она выглядела, да это было и не важно. Мои глаза были прикованы к дыням, от одного вида которых у меня потекли слюнки. Я решил, что, как только стемнеет, я туда поберусь и устрою себе пир.

Движение на автостраде было напряженное – в основном

грузовики, доставлявшие дыни в Окленд. Время от времени сверкающий «кадиллак» или «олдсмобиль», издав нетерпеливый гудок, пронеслись мимо грузовиков. Иногда я замечал патрулировавших дорогу полицейских на мотоциклах, а один раз видел радиофицированную полицейскую машину. Часы тянулись очень медленно.

В шесть часов на проселочную дорогу, ведущую к ферме, свернул разбитый грузовик, нагруженный дынями, и подрулил к одному из сараев. Девушка вышла из дома. Из грузовика вылезли двое мужчин – один молодой, другой постарше. Все трое направились в дом, и я представил себе, как они садятся за ужин. Сама мысль об этом казалась мучительной. Я был настолько голоден, что с вожделением вспоминал помои, которыми нас кормили в Фарнуорте.

Прошло еще два часа. Солнце скрылось, и на небе показались звезды. Движение на дороге практически замерло, уже довольно давно я не видел ни одного полицейского. Пожалуй, пора пускаться в путь.

Я добрался до автострады, не заметив ни одной машины. В одном из окон дома горел свет. Перебежав через шоссе, я оказался на дороге, ведущей на ферму. Ворота были закрыты, и мне пришлось перелезть через забор. Миновав жилой дом, я остановился у распахнутой двери одного из сараев. Было темно. Из двери доносился сильный аромат дынь. Я вошел. Ножа у меня не было, и дыни пришлось разрывать руками. Теплый сладкий сок и нежная мякоть утолили жаж-

ду и притупили чувство голода.

Я так устал, что глаза закрывались сами собой, и я решил немного передохнуть, прежде чем отправиться в пятимильный переход до железной дороги. Перебравшись через гору дынь, я растянулся на земле. Из дома доносилась танцевальная музыка, передававшаяся по радио. Я закрыл глаза – насколько здесь было лучше, чем в зловонном бараке Фарнурорта! Интересно, удастся ли мне попасть на поезд?.. пока мне везло... пока...

Я проснулся так неожиданно, что сердце в испуге чуть не выскочило из груди. Через открытую дверь сарая были видны очертания далеких холмов. На кроваво-красном небе всходило солнце, и его бледный свет скудно освещал сарай, проникая в него сквозь щели. Охваченный тревогой, я попытался встать и тут сообразил, что проспал больше восьми часов. Уже был слышен рев мчавшихся по автостраде грузовиков. Я не мог рисковать, пытаюсь пробраться незамеченным целых пять миль, которые отделяли меня от железной дороги. В своей черно-серой полосатой тюремной одежде я попадусь на глаза водителю первого же проезжающего грузовика.

Из дома слышались шаги и голоса. До меня донесся запах жареной ветчины. Я наблюдал за домом, и примерно через полчаса из него вышли оба мужчины в сопровождении девушки. На вид ей было лет семнадцать, у нее была почти черная от загара кожа. Ее вряд ли можно было назвать кра-

сивой, но у нее была хорошая фигурка, а улыбка делала ее привлекательной. Они о чем-то поговорили, затем мужчины сели в грузовик и уехали, а девушка вернулась в дом. Я отведаль дынь еще раз и устроился за грудой ящиков.

Теперь до заката солнца я оказался в плену на этой ферме. Размышляя о своем положении, я пришел к выводу, что, может быть, это не так уж и плохо. Пока я сижу здесь в относительной безопасности, погоня, возможно, закончится. Я положил голову на свернутый мешок и закрыл глаза. В сарае было жарко, и я задремал.

Проснулся я опять неожиданно примерно час спустя. В сарае кто-то был, я слышал шорох движений. Соблюдая максимальную осторожность, я выглянул из-за ящиков, за которыми скрывался. Девушка сортировала дыни по размерам, раскладывая их на три кучи. Она работала быстро и ловко, повернувшись ко мне спиной и то и дело встряхивая черными волосами, рассыпавшимися каждый раз, когда она наклоняла голову.

Я смотрел на нее, спрашивая себя, стоит ли обнаруживать свое присутствие, как вдруг понял, что она заметила, что находится в сарае не одна. Она прекратила работу, потом вновь принялась за нее, но уже не в том ритме, что прежде. Я понял, что девушка испугалась: это было видно по тому, как она раскладывала дыни. Мне было ясно, что, если я ничего не предприму, и притом достаточно быстро, она бросится из сарая и, возможно, поднимет крик. Я видел, что она нервни-

чает все больше и больше.

– Не бойся, – сказал я очень тихо и встал так, чтобы она могла меня увидеть.

Девушка резко повернулась. Мне было ее очень жаль. Ее кожа побелела даже сквозь загар; она попыталась закричать, но из этого ничего не вышло.

Вид у меня действительно был ужасный: я не брился два дня, грязная одежда висела клочьями, росту я был немаленького, да и вид был разбойничий. Я видел, какой ее обуял ужас, и от этого мне самому стало нехорошо.

– Я не сделаю тебе ничего плохого, – сказал я, наблюдая, как она медленно пятится назад, пока не уперлась в стену сарая. Одета она была в джинсы и красную с белым ковбойку. Было видно, как под рубашкой поднимались и опускались ее маленькие груди.

– Не подходи ко мне! – прошептала она сдавленным голосом.

– Я не хотел тебя испугать. Ты меня сама напугала, – сказал я. – За мной охотятся – эти, из Фарнуорта. Ты сможешь мне? Я голоден, и мне нужна одежда. Ведь ты меня не выдашь?

Девушка выходила из состояния оцепенения и потихоньку успокаивалась.

– Что тебе здесь нужно? – спросила она.

– Я был голоден и пробрался сюда прошлой ночью за дынями. А затем имел глупость заснуть. Я собирался добраться

до железной дороги, пока не рассвело.

– Но они следят за дорогой, – сказала она тихо, и я понял, что она на моей стороне. – Вчера вечером об этом говорили по радио. Именно там тебя и ждут.

– Тогда мне придется придумать что-нибудь другое. Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности из-за меня, но ведь ты мне поможешь? Если нет – я пропал.

Она долго смотрела на меня.

– Я читала о Фарнуорте, – сказала она и отошла от стены. – Да, я помогу тебе. Не могу взять грех на душу и отправить туда человека обратно. Ты голоден?

– Ветчина пахла исключительно.

На ее лице появилось подобие улыбки.

– Подожди здесь.

Она направилась к выходу. Я смотрел ей вслед – уверенности, что на нее можно положиться, у меня не было, как, впрочем, и другого выхода тоже. Если она позвонит в полицию, то такая уж, видно, у меня судьба. Когда она ушла, я стал слоняться по сараю. Мне казалось, что ее нет слишком долго, и я уже собирался пойти в дом и посмотреть, чем она занята, когда она вернулась с миской горячей воды, полотенцем, мылом, бритвой и ворохом одежды в руках.

– Сейчас я принесу тебе что-нибудь поесть.

Через десять минут девушка опять была в сарае, на этот раз с подносом в руках. Она приготовила яичницу из шести яиц с четырьмя толстыми ломтями ветчины и принесла це-

лый кофейник с дымящимся кофе. К этому времени я успел умыться, побриться и переодеться в костюм, который, как я понял, принадлежал ее брату. Он был немного узковат и довольно потрепан, но это было не важно. Трудно описать, какое облегчение я испытал, сбросив ненавистную тюремную робу. Я видел, что девушка с любопытством наблюдает, как я уничтожаю завтрак. Затем она пересела на ящик около меня.

– А как тебе удалось спастись? – спросила она. – Я думала, что из Фарнуорта сбежать невозможно.

Я рассказал ей все без утайки: как всегда мечтал разбогатеть, как мы с Роем спланировали ограбление и как я его не выдал. Я рассказал о Фарнуорте, о собаках и о том, как мне удалось бежать. Она слушала, широко раскрыв глаза. Я был рад, что рассказал ей все. Впервые мне удалось облегчить душу.

– Если меня поймают, – сказал я, – жизни мне не будет. Меня посадят в камеру, которую они держат для наказаний. Придут три охранника с ремнями и будут бить до тех пор, пока у них хватит сил. И так будет каждый божий день. Я видел, какими выходят из этого карцера. У одного был выбит глаз, у другого – сломана рука.

В ее глазах стоял ужас.

– Но меня не поймают, – продолжал я. – Я скорее умру, чем опять вернусь в Фарнуорт.

К этому времени я уже покончил с завтраком и курил сигарету из пачки, которую она принесла на подносе. Мне бы-

ло хорошо.

– Тебе нельзя на железную дорогу, – сказала она. – Но я могу помочь тебе добраться до Окленда, если ты пробираешься именно туда.

– Да, мне надо попасть в Окленд. Оттуда я двинусь дальше. А как ты можешь мне помочь?

– Через час придет грузовик за дынями, – сказала она. – За рулем будет парень, его зовут Вильямс. Он приезжает каждый день и задерживается, чтобы перекусить. Пока он ест, ты можешь спрятаться в кузове. Он отвозит дыни на оклендский рынок, оставляет грузовик на площади и идет за деньгами. Тогда ты сможешь выбраться и окажешься в Окленде.

Именно так я и очутился в Окленде. Проще простого. Еще до приезда грузовика девчушка дала мне пять долларов – все, что у нее было. Кроме того, она принесла две пачки сигарет и предупредила, что в моем распоряжении всего несколько часов. Когда вернется ее брат и хватится своей одежды, ей придется признаться, что она отдала ее мне. В Окленде мне задерживаться нельзя, но, во всяком случае, мне не о чем беспокоиться до семи-восьми вечера, когда вернутся ее отец и брат. Я хотел поблагодарить ее, но моя благодарность была ей не нужна. Она повторила, что не смогла бы отправить человека обратно в Фарнуорт, добавив, что, по ее мнению, мне просто сильно не повезло с моим делом.

Когда грузовик тронулся по грязной дороге, я выглянул

из-за ящиков с дынями. Она стояла у дома и смотрела вслед грузовику в своей красной с белым ковбойке и синих джинсах. Когда грузовик поворачивал на шоссе, она подняла руку и помахала вслед. Эта картина так и стоит у меня перед глазами – я запомнил ее на всю жизнь.

II

На пятый день бегства я добрался до Литтл-Крик, что примерно в тысяче миль от Фарнуорта. Эта тысяча миль далась нелегко. Мне посчастливилось вскочить в товарный поезд на окраине Окленда, но после двадцати часов езды через пустыню без воды и пищи я стал испытывать сомнение, удастся ли доехать куда-нибудь живым.

Наконец поезд остановился в Литтл-Крик, и мне удалось выбраться из него незамеченным. Был самый разгар дня, и жара стояла невыносимая. Вокруг никого не было видно – даже на главной улице не было ни души. У меня еще оставалось полтора доллара от тех денег, что дала мне девчушка на ферме. Я зашел в закусочную, заказал сэндвич, кофе и кварту воды со льдом.

После путешествия на поезде вид у меня был жалкий: я зарос щетиной, а одежда потеряла всякий вид. Однако в этом городке на меня никто не обращал внимания. Сам городок был грязный и непривлекательный – одна из тех захолустных дыр, которые постоянно пребывают в запустении.

Я ел и думал, что мне делать дальше. Если бы мне удалось перебраться через горы и оказаться в Тропика-Спрингс, я чувствовал бы себя в достаточном удалении от Фарнуорта и в относительной безопасности. От пустынного городка, где я находился, до Тропика-Спрингс было около двух-

сот миль. Моей единственной возможностью добраться туда был попутный грузовик или легковушка. Рассчитывать, однако, мне можно было только на грузовик – ни один владелец легковой автомашины не согласится меня подбросить, стоит только ему взглянуть на мою физиономию.

У человека за стойкой в закусочной было открытое, доброжелательное лицо. Я спросил его, есть ли возможность договориться с каким-нибудь шофером грузовика, чтобы тот взял меня с собой через горы. Он с сомнением покачал головой.

– Грузовики здесь проезжают десятками, – сказал он, – но я не помню, чтобы кто-нибудь из них хоть раз здесь остановился. Может, тебе и повезет, но я бы не стал на это особо рассчитывать. – Он налил себе чашку кофе и облокотился на стойку. – Лучше всего было бы добраться до «Последней черты». Там останавливаются все грузовики, чтобы заправиться перед горным перевалом. Там можно поговорить с ребятами. Может, кто и возьмет тебя.

– Последняя черта? Что это?

– Это бензоколонка и закусочная Карла Йенсена. Он прожил там всю жизнь. Получил их в наследство от своего отца. За «Последней чертой» нет ни одной заправки на сто шестьдесят миль, а следующая заправка уже за перевалом.

– А далеко отсюда до «Последней черты»?

– Пятьдесят миль.

– А как мне туда попасть – пешком?

Он улыбнулся:

– Зачем же пешком. Тебе повезло. Скоро здесь будет сам мистер Йенсен. Он приезжает сюда каждые три месяца купить металлический хлам – в этом забытом богом городке его полно. Поговори с ним. Он хороший человек и подбросит тебя до своей бензоколонки, если скажешь ему, что тебе надо перебраться через перевал. Он всегда помогает людям, попавшим в затруднение.

– А когда же он появится?

Он посмотрел через плечо на засиженные мухами часы.

– Минут через двадцать. Ты побудь неподалеку – я дам знать, когда он войдет. Может, еще кофейку?

– Нет, спасибо. Если вы не возражаете, я бы еще посидел здесь...

Он налил чашку кофе и пододвинул ее мне.

– За мой счет. Похоже, ты прибыл издалека.

– Точно... – Я потрогал щетину на своем подбородке. – Еду к приятелю в Тропика-Спрингс. Дорога тут не из приятных. Мы собираемся открыть вместе одно дело, а чтобы сэкономить, я решил добираться туда автостопом.

– Деньги... – Бармен понимающе кивнул. – У меня их никогда толком не было. Я бы не торчал в этом несчастном городишке, если бы у меня были деньги... Забрать бы жену и детишек и уехать куда-нибудь, где бы я мог прилично зарабатывать. Без денег далеко не уедешь... – Он посмотрел в распахнутое окно, где, поднимая облако пыли, проезжал

черный «кадиллак». – Эти люди... никогда здесь не останавливаются. Они набиты долларами, но никогда не тратят их здесь. Вот мистеру Йенсену повезло. Хочешь не хочешь, а вынуждены там остановиться. Можно сказать, у него там золотая жила.

Пока он говорил, в открытую дверь вошел крупный мужчина и подошел к стойке.

– Ты не сообразишь побыстрее кофейку, Майк? – сказал он. – Хочу сегодня уехать пораньше.

Он взглянул на меня и отвернулся. Пока бармен готовил кофе, тот продолжал:

– А как твоя жена? Что-то ее не видно.

– Она после обеда уехала в Вентуорт, мистер Йенсен, – ответил бармен, взглянув на меня. – Ей будет жаль, что вы разминулись.

Убедившись, что это тот, кто мне нужен, я посмотрел на него повнимательнее. Это был скандинав ростом почти в шесть с половиной футов, с широким торсом, загорелым и мясистым лицом – открытым, добрым и с искрой юмора. На вид примерно пятьдесят с небольшим. Мужчина крупный, но без капли жира. Он вообще выглядел очень крепким – куда крепче большинства мужчин в его возрасте.

Бармен сказал:

– Извините меня, мистер Йенсен, этот парень ищет попутку через горы. Я сказал ему, что «У последней черты» – лучшее место, чтобы договориться с каким-нибудь шофером.

Йенсен повернулся, оглядел меня и улыбнулся.

– Привет, – сказал он. – Майк прав – на дороге ни один грузовик не остановится. Но они все тормозят у меня. Буду рад помочь. Я подброшу тебя до «Черты», ну а там тебе придется договариваться самому. Большинству водителей запрещено брать попутчиков через горы: что-то там связано со страховкой.

– Спасибо, – сказал я. – Если я вам не помешаю.

Он засмеялся:

– Я рад, что поеду обратно не один. Дорога из рук вон плохая. Меня зовут Карл Йенсен.

Он протянул свою огромную руку. Я пожал ее.

– Меня зовут Джек Пэтмор, – сказал я, назвавшись первым пришедшим на ум именем.

– Ты направляешься в Тропика-Спрингс?

– Именно.

Он допил кофе и бросил монету на прилавок, пожал руку бармену:

– Будь здоров, Майк. До встречи. Ну что ж, Джек, если ты готов...

Я тоже обменялся рукопожатием с барменом, еще раз поблагодарил его и вышел вслед за Йенсеном под нещадно палящее солнце. Мы подошли к десятитонному грузовику, стоявшему в тени. Кузов был завален металлоломом, разными ржавыми железками, болтами, гайками, мотками проволоки. Йенсен полез в кабину, я – вслед за ним. Кабина была раска-

лена как печка, и мы оба разделись до пояса. Йенсен достал пачку сигарет, вытащил себе сигарету и предложил мне. Когда мы закурили, он сказал:

– Надо устраиваться поудобнее. Прогулка будет долгой и жаркой.

Затем он завел мотор и выехал на пыльную главную улицу. Пока мы выбирались из города, никто не проронил ни слова. Первым нарушил молчание Йенсен, спросив:

– Ты здесь первый раз?

– Да, – сказал я.

– А я здесь родился и вырос. Место тут уединенное, но мне нравится. А ты издалека?

– Окленд.

– Прилично. Я там никогда не был. Как там?

– Нормально.

Он взглянул на меня:

– Я так и подумал, что ты городской. А чем занимаешься, извини за назойливость?

– Мое ремесло – замки. Идет еще от деда. Вроде наследственности.

– Замки, говоришь? Значит, ты разбираешься в железках?

– Само собой. Если я не чиню замки, то делаю сейфы, а без металла сейфов не бывает.

– Да, это верно.

Он поскреб пальцами затылок, нахмурившись. Мы ехали по пыльной дороге, пролегавшей через пустыню. Колеса гру-

зовика поднимали клубы пыли, проникавшей в кабину через открытые окна и оседавшей на нас.

– А в двигателях ты что-нибудь петришь? – спросил он после долгого молчания.

– Кое-что, – ответил я, недоумевая, к чему он клонит. – Я могу разобрать двигатель, если вы про это. Однажды я сделал новую головку блока цилиндров для старого отцовского «форда». Пришлось повозиться, но я сделал.

Он опять посмотрел на меня, и я почувствовал на себе изучающий взгляд его пронизательных глаз.

– Если ты смог это сделать, то в машинах разбираешься, – сказал он. – А в Тропика-Спрингс ты собираешься остаться надолго?

Поток вопросов начинал меня раздражать.

– Да, – сказал я и отвернулся, уставившись в окно. Вдалеке я видел парящего сокола, резко выделявшегося на фоне белого неба.

– У тебя там есть работа? – спросил он. – Я это к чему: если ты ищешь работу, то я могу ее предложить.

– Работу? Какую работу?

– Мне нужен человек, который понимает в железках и машинах. Последние два года нам с Лолой – это моя жена – пришлось нелегко. Я давно собираюсь взять себе помощника. Мне кажется, мы с тобой поладим. Правда, место у нас пустынное, и тебе придется дежурить ночью по очереди с нами. Ближайший город – Вентуорт – в двадцати милях по до-

роге через пустыню, но зато у нас отличная кухня. Уж что-что, а готовить Лола умеет. Она – итальянка. Тебе нравится итальянская кухня?

– Еще бы!

– Что-то ты скажешь, когда попробуешь ее спагетти, – тебе в жизни не приходилось есть ничего подобного! У тебя будет свой флигель. Там есть радиоприемник. У меня лишний телевизор, можешь взять и его. – Он с надеждой посмотрел на меня. – Платить я буду сорок долларов в неделю, будешь на всем готовом. Тратить там не на что, так что можно поднакопить.

Долго я не раздумывал: это был мой шанс затеряться. Во всяком случае я мог бы поработать там несколько месяцев, поднакопить денег и двинуться дальше.

– Звучит заманчиво, – сказал я. – Ладно. Я согласен попробовать.

Он улыбнулся мне.

– Тогда считай, что работа у тебя есть, сынок, – сказал он и, протянув свою огромную руку, похлопал меня по колену.

Глава четвертая

I

В первый раз я увидел постройки «У последней черты», когда грузовик объехал высокую гору и стал спускаться в долину – плоскую, как тарелка, со слепающим от солнца белым песком и черными точками ржавого металла.

– Приехали, – сказал Йенсен, указывая рукой. – Это и есть мои владения.

Там стоял небольшой дом, пара сараев, еще какая-то постройка, бензоколонка и по другую сторону шоссе – флигель. Все строения были выкрашены в небесно-голубой цвет и резко выделялись на фоне белого песка.

– Флигель по ту сторону – твой, – сказал Йенсен. – Я в нем родился. Мой отец построил его своими собственными руками. Дом я выстроил позже, когда он умер. Да, жить здесь сможет не каждый. Здесь трудно и мало веселья, но мне повезло, что я нашел женщину, которая делит со мной все тяготы, – без нее я бы пропал. Мы дежури́м поочередно каждую божью ночь. Просто удивительно, как часто приходится работать среди ночи. Водители едут через горы ночью – так прохладнее, и они всегда останавливаются здесь, чтобы заправиться. Вот почему я думаю, ты мне здорово поможешь.

Если дежурить троим поочередно, то ночная смена будет куда легче.

Мы спустились в долину. Жара обрушилась на нас, и я моментально покрылся липким потом.

– Чувствуешь? – В его голосе звучали нотки гордости. – Ночью полегче. Ночью бывает даже чересчур прохладно.

Он положил огромную руку на клаксон и дал два длинных оглушительных гудка.

– Это чтобы предупредить Лолу, что я вернулся. Она удивится, когда тебя увидит. Она всегда твердила мне, что помощников нам не нужно. По правде говоря, Джек, у нас их никогда и не было, потому что я слишком долго шел у нее на поводу. Ты же знаешь этих итальянок: прижимистые – дальше некуда. Так уж они устроены. Я и сам деньгами не разбрасываюсь, но моей жене – упаси господь! – я и в подметки не гожусь. «Зачем нам нужен лишний человек? – говорит она. – Если я не против ночных дежурств, то тебе-то тем более грех жаловаться». Вот такие разговоры. – Он покачал головой. – В моем возрасте нужна передышка. Я уж не могу припомнить, сколько лет тяну лямку по семнадцать часов в сутки. Верно – деньги у меня завелись, но я никогда не тратил их в свое удовольствие. Вот зачем тебе деньги, Джек? Скажи – зачем?

– Ну, во-первых, чтобы прокормиться, а если останется – хочу тратить в свое удовольствие, – сказал я, чтобы поддержать разговор.

– Точно! – Он хлопнул меня по колену. – Сначала прокормиться. Что ж, эту проблему я решил. А сейчас, когда мне пятьдесят пять, хочу пожить в свое удовольствие. Теперь мы с Лолой сможем время от времени ездить в Вентуорт, а ты присмотришь здесь. С тобой станет гораздо легче.

Однако в его голосе сквозило сомнение, и я с удивлением посмотрел на него. Он не был похож на человека, который верит во все, что говорит.

Наш грузовик уже мчался по ровной раскаленной дороге, и мы проехали мимо большого щита, на котором было написано:

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ!
ВАС ПРЕДУПРЕЖДАЮТ!
СЛЕДУЮЩАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАПРАВИТЬСЯ
ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ 165 МИЛЬ!
ЗАКУСКИ!
РЕМОНТ!
СМАЗКА!
СТАНЦИЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ!

Я взглянул на бензоколонку и гараж, к которым мы подъезжали. Станция обслуживания выглядела яркой и веселой. К дому и флигелю через шоссе были проложены дорожки, обрамленные камнями, выкрашенными в белый цвет. Вокруг бензоколонки посажены цветы, оживлявшие пейзаж. Позади нее стояла длинная приземистая постройка, в которой находилась закусочная. А уже за этой постройкой был

флигель с яркими голубыми занавесками и выкрашенной в кремовый цвет дверью.

– Красивое место, – сказал я.

Он расцвел от удовольствия:

– Я рад, что тебе здесь нравится. Труда я вложил сюда немало. А теперь, когда нас двое, мы можем горы свернуть. А до сих пор все приходилось делать одному.

Он открыл дверцу и спустился на белый раскаленный песок. Я вылез вслед за ним.

Если бы у меня было такое местечко, да еще жена в придачу, и, нажав на клаксон, как это только что сделал Йенсен, я бы ожидал, что она выйдет и встретит меня! Но ни из одной постройки никто не вышел, чтобы встретить вернувшегося домой Йенсена. Судя по оживлению, которое вызвал его приезд, данное место вполне можно было бы перепутать с моргом, и это бросилось мне в глаза, хотя сам Йенсен, похоже, не удивился. Он махнул рукой в сторону флигеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.